

А.В. Манин-Уралец

**Золото
Южноуралья
Книга 5
1917-1937**

А.В. Манин-Уралец

Золото Южноуралья
Книга 5 1917-1937

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Золото Южноуралья Книга 5 1917-1937 / А. Манин-Уралец —
«Автор», 2026

С 1920 г. – периода расконсервации старых производств после революции и 1937 г., времени образования «Миасского золотого округа», исследуются огромные пространства золотосодержащих месторождений на площади в 1000 квадратных километров, в том числе бурением. По указанию треста «Уралзолото» ведутся попытки восстановления участков работ и геологоэкономические обследования с охватом тысяч рудных жил. В книге указываются имена разведчиков недр и ученых, работающих над выявлением типов золотого оруденения в толщах земных пород Южноуралья. Потрясают воображение наличием драгметалла открытые Кураевым полиметаллическое Мелентьевское месторождение в Миассе, «Золотая гора» в Карабаше и другие. В прессе геологопоисковики сообщают о перспективах выработки золота в «американском масштабе».

А.В. Манин-Уралец

Золото Южноуралья Книга 5 1917-1937

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ПОДСТУПЫ К НЕДРАМ

ГЛАВА I ЗАТАЕННЫЕ РУДНИКИ

Рудники Миасса. Миасской долины. Системы реки Миасс и ближайших районов. Рудники самых южных окраин Урала. Судьба их во многом удивительна, ибо складывается из множества примеров, ведь во всей этой «географии» их обилие. Какие-то из рудников (не сравнимые, конечно, с Кочкарским золоторудным массивом, и упоминая-то рядом не поставишь!) имеют историю давнюю, вековую, какие-то — полувековую, с продолжением в 20-х, 30-х, 40-х годах XX века, какие-то открыты и вовсе заново. Но почти все из открытых заново объединяет одно — недолговечность жизни после открытия, а те, о которых вспомнили на время, вновь возрождались, чтобы вскоре — увы! — опять кануть в небытие.

Часто в том нет вины самих рудников, и это делает затаенное присутствие их рядом (а они всюду) чем-то загадочным, к чему хочется подобрать новый золотой ключик. И, заглянув в драгоценные кладовушки, увидеть в них страницы истории эксплуатации да разглядеть, может быть, то, что давно устало ждать внимания новых добытчиков, не достучавшихся до них сквозь толщи земные по самым разным причинам.

Миасская долина известна широкому кругу краеведов юга Урала в основном как богатая россыпными месторождениями земля, и не многие знают, что имеют свою уникальную историю некогда довольно интенсивно эксплуатировавшиеся крупные рудные знаменитости: месторождения Мелентьевское, Карабашское, Непряхинское с мягкими жилами, с хорошо обрабатываемыми сланцевыми рудами, а также кварцевые жилы на Тыелге, знаменитой своими самородками; жилы в районе Ленинска во второй зоне с рудными запасами. И все это геологически довольно серьезно взаимосвязано. После того, как в 1920 году был образован Миасский золотой округ, наряду с россыпными полигонами с течением определенного промежутка времени в строй — одна за одной — вступали шахты Ленинского, Тыелгинского, Непряхинского, Маскайского и Мелентьевского рудников, а последней — шахта Карабашского рудника «Золотая гора». Наряду с ними не забывали при случае попутно заглянуть и в кладовые, давно забытых, затопленных, либо заиленных шахт. Они тоже хранили в себе легенды недочитанных золотых границ.

Одна из таких страниц из жизни возрождения старых шахт была открыта на шахте «Орловской» на территории бывшей крупнейшей Мулдакаевской дистанции. Затопили ее в 1905 году, в японскую войну. По неточным сведениям, по «легендам», специалисты-современники полагали, что разрабатывалась она в бытность свою во французской концессии. Потом, якобы, купил ее какой-то генерал, а его в войну убили; наследников, видно, не сыскалось. И оттого эта шахта долгое время оставалась беспризорной, запущенной. Вот бы найти документы да заглянуть в шахту. Вдруг есть там оно — желанное золото для индустрии! Окисленные зоны почти все выработаны, они сверху; сульфидные тоже недешевы — спрятаны глубже. Да и для разработки их требуется химзавод, то есть фабрика с законченным циклом обработки руды. А это деньги немалые. Оттого, желая прибавить к плану без затрат такие нужные средства, очень подмывало поискать в этой старой заброшенной шахте «дешевое» золото.

Пытливый геолог Петр Иванович Соколов, роясь в архивах по делу старой шахты, нашел записку геолога, работавшего здесь когда-то. В ней имелись сведения, что провел тот геолог беседу с неким Туринцевым, человеком, трудившимся на этой шахте еще до революции, причем нарядчиком, а было ему тогда восемнадцать лет. Любопытно: был молод, значит... еще мог по земле ходить и теперь.

Кто знает Туринцева, старика?

Он в Непряхино живет, если это тот, который нарядчик царя Гороха.

Он, он! Поехали, может, и жив, если не помер.

Только вот адрес-то нашли его, а в суматохе дел не поехали: по-казенному поступили — вызвали его. Тот, увидев дома бумагу, отнесся к ней с уважением и скоро приехал сам.

Тем временем заранее планировались подготовительные работы к откачке из шахты воды. До этого вроде бы какая-то артель уже пыталась откачать воду, но маломощная энергобаза не позволила, шахта вновь сама собою затопилась. Теперь же, получив энергию, можно было смело продвинуться дальше. Выслушав Туринцева, объяснили, что это совсем не проблема — выкачать воду, а вот будет ли прок?

Я знаю, — сказал, на это Туринцев вежливо, — там имеется большой целик, который вовсе не выбран, и как раз в богатой зоне окисленных руд. Метрах в сорока от поверхности будет, не боле.

Шахта была глубиной 89 метров. Откачали ее до сорокового горизонта, как дед указал. Начальник прииска П.М. Кузнецов, наконец, решился и стал спускаться. Туринцев сверху позвал:

Павел Матвееч?

А?

Посмотри, там стол должен стоять... с чернильницей. Кузнецов усмехнулся: рехнулся дед, что ли? Сколько лет уж прошло: было ему восемнадцать, теперь семьдесят шесть. А стол с чернильницей не забыл. Он дошел до горизонта и двинулся вдоль штрека, шахтерский фонарь блуждал по мокрым стенам забоя. Вскоре он увидел стол старой конструкции, дореволюционный, на том месте, где указал Туринцев. Ай да дед! Ну, Михаил Сергеич, ну ежели до конца окажешься прав!..

Открыли забой. Стали бурить, закладывать динамит и взрывать. Пошла первая проба на горнообогатительную фабрику, она была тут неподалеку, Кузнецов сам руководил ее строительством. Вскоре анализ на фабрике покажет: содержание золота на тонну руды десять и выше граммов. Высокое содержание металла! В том, что его тут много, убедились скоро. После разведки, вспоминал П. М. Кузнецов, было вот что:

Отработал смену, приехал домой, привязал лошадь и сию с семьей, чай пью. Рассказываю о шахте, о чудном деде Туринцеве и какой он все-таки молодец оказался — организовал уже старательскую артель, пошел с нею в шахту, набросился, будто замки с сундуков срывает! Вот ведь, как оно в жизни бывает! Сколько лет прошло, а и теперь одержим: есть, говорит, золото, и ничего больше знать не хочет.

Забегает в дом человек. Видит, что я в лице переменялся от испуга: может, беда какая на шахте стряслась?! Да тут же кричит, успокаивает:

Не волнуйтесь! Нет, нет, все в порядке! Удача! Выборка на шахте богатая! Самородки! Из того самого целика!

Я на шахту. Смотрю, артельные Туринцева сидят, водку пьют. Идет сорок шестой год, нигде тут у нас водки днем с огнем не сыскать, а у них — пожалуйста. Сам Михаил Сергеевич каждого чаркой обносит — за открытие золота. Увидел меня и навстречу со стаканчиком.

Нет, что вы, мне нельзя, не положено! — говорю я.

Это так, как вы говорите, нельзя. Плохая примета — не выпить за удачу. А вы — начальник Орловского участка, стало быть, голова! И удача, стало быть, ваша.

Я примирился с ними. Опрокинул свое, стал расспрашивать.

Что и говорить — явное золото! — отвечают.

За сутки артель выбрала с этого целика четыре килограмма самородков, граммов тридцать — сорок каждый. Да, это было золото явное, и артельные наковырялись в том целике всласть, отвели душу. Остальная руда, конечно, пошла на фабрику.

Туринцеву я выделил квартиру в Орловке. Заслужил старый человек, да и за авторитет тоже... Но и без того стал он уже обеспеченным. Обогатились все из его артели. Покупали целые усадьбы. Сюда приехало много с Ленинска, из Миасса. Артельщикам за золото выдавались положенные боны, они их опять же прибыльно продавали населению. Или накупят у себя в золотоскупке муки да муку продают, ее тоже не хватало, не везде была. Словом, хорошо жили ребятки. Туринцев приглашал меня к себе в гости, мы с женой Любовью Георгиевной и детьми приезжали. У меня четверо ребятешек, все парни, старшему было двенадцать лет, так он уже в шахте воду выкачивал... А потом Туринцев тоже себе дом купил, стал купец-купцом...

Сколько работал на гидромеханизации — всю жизнь — никогда не переставал удивляться. Откуда вот такое богатство у нас? Думаю, когда-нибудь настанет время, когда скажут: «Кончились жилы». Нет, не приходит такое сказать хоть с какой-либо долей убежденности.

Вполне осознанно в 1910 году в книге «Урал и его богатства» Е. Н. Барбот-де-Марни писал: «Количество известных коренных месторождений золота на Урале с содержанием, вполне дающим возможность выгодной их эксплуатации, не требующих особенно сложных методов добычи и обработки, **ВЕСЬМА ЗНАЧИТЕЛЬНО**, начиная с самых северных районов и кончая южными приуральскими степями. Но число разрабатывающихся кварцевых жил, не говоря уже о других типах коренных месторождений, сравнительно невелико... Нет никакого сомнения, что разработка коренных месторождений на Урале еще находится в зачаточном состоянии, и что с течением времени центр тяжести золотого дела переместится с россыпей на коренные месторождения». Каким уж кругом опять?!

Понимая правоту этих слов, чувствуя всей душой, что это действительно так, для разведки новых промышленных запасов трест «Миассзолото» привлекает на работу в Миасском районе разных квалифицированных специалистов. На них

средств не пожалели, верили в науку. Денег тресту на развитие предприятия не дадут, если нет у него прироста запаса лет хотя бы на пять вперед. Заключение эти специалисты давали подкрепленные научными фактами, ведь штатные геологи треста головой отвечали за добычу, серьезных просчетов допущено быть не должно.

История разведки золотоносных месторождений в системе реки Миасс, особенно в двадцатые, сороковые годы, история научно обоснованных подступов к недрам содержательна, как с точки зрения многих чрезвычайно интересных открытий, так и с точки зрения исследования их замечательными энтузиастами — геологами и учеными, оставившими яркий след своего таланта, работая часто почти лишь на энтузиазме и одержимости довести до конца те исследования, которые никто, кроме них, довести не мог. Они исполняли свой гражданский долг.

Среди ярких имен исследователей огромных золототаящих пространств района известны геологи, инженеры, ученые: Г. В. Смирнов, П. П. Кутюхин, А.П. Сигов, М.Н. Альбов, И.С. Рожков, К. З. Абдрахимов, Г. А. Мирлин, И. В. Мушкетов, Н.И. Кураев, Н. И. Бородаевский; а также внесшие свой немалый вклад в изучение золоторудных месторождений Южного Урала и отдельных участков его известные и малоизвестные специалисты: И. В. Мушкетов, К. К. Матвеев, И. И. Чупилин, Н.К. Синицын, А.А. Бусыгин, А. П. Марченко, А. А. Корепов, Б. И. Вронский, А. В. Кузнецов, А. И. Чернышев и другие. Они отдавали годы своей жизни тщательному собиранию материалов, касающихся золотоносности систем реки Миасс и других соседних уникальных районов этой части Южного Урала. Главным образом, в Западно-Уральской зоне (на западе от Уральского хребта), Соймано-Миасской (между Уральским и Ильменским хребтами), Восточно-Ильменской (на востоке от Ильменского полигона) и в зоне Челябинских

гранитов с многочисленными месторождениями россыпного, рудного золота. Особенно интенсивно исследовались они в 20 — 40-е годы.

Работники «Миассзолота» вели геологоразведочные работы в четырех этих зонах и находили новые и новые признаки месторождений, многие россыпи содержали золото. Например, по первой зоне установили: в Кувашском сульфидном месторождении имеется свинцовый блеск с содержанием золота. Исследованиями предприятие охватило также участок от Карабаша до деревни Ахуновой в Башкирии (вторая зона), где на площади около 4 тысяч квадратных километров была уже составлена детальная геологическая карта в масштабе 1:25000,

«дававшая правильное освещение многих геологических вопросов». На площади второй зоны оказались сосредоточены наиболее крупные месторождения россыпного золота, источниками которых — что интересно — явились, главным образом, месторождения рудного золота,

В этой зоне в двадцатых — тридцатых годах геологоразведчиками «Миассзолота» были сделаны наиболее крупные открытия. Так, были открыты месторождения рудного золота Никольское, Мелентьевское, «Миасско-Ильменская минерализованная полоса». Любопытнейшие открытия! О чем еще будет подробно рассказано. Вообще эта, вторая, зона отличается исключительным разнообразием месторождений. Сюда входят полиметаллические золото-баритовые жилы рудников Кузнечихинского месторождения в 40 километрах от Миасса, карабашские медные месторождения, карабашские месторождения в змеевиках, соймановские кварцевые жилы в диоритах — твердых изверженных породах, наилинские рассланцовые, то есть более рыхлые породы того же типа и другое. Общей характеристикой большинства из них оказывались незначительные размеры с неправильной формой и... невысокое содержание золота. Стоп! Есть исключение! Мелентьевское месторождение — оно отличается как раз именно высоким содержанием золота; что касается россыпей, то большинство из них в этой зоне выработаны. Невысокую золотоносность оставила эта зона современным золотоискателям. Залегание металла мелкое, и распределение его равномерно на больших протяжениях, в общем, сюрпризов она несла очень мало.

Главной золотоносной россыпью оставалась долина реки Миасс с ее притоками. Геологи вели изыскания и в третьей, и в четвертой зонах. В третьей детальные исследования были произведены в южной части на площади в 900 квадратных километров. Позже, в 1934 году их проводили на площади в 1000 квадратных километров. В этой зоне детально разведали несколько рудных месторождений, из них наиболее крупным по запасам окажется месторождение непряхинской «Мягкой жилы». В 1930 — 1931 годы в этой зоне также открыли колчеданное месторождение, содержащее медь и цинк. Стали известны тут и кварцевые жилы. Общее протяжение золотоносных пород было прослежено более чем на 35 километров. Россыпи же третьей зоны — меньших размеров, «главным образом смешанного и элювиального типов». По четвертой зоне к середине 30-х годов только начались работы по восстановлению отдельных приисков, но геологические исследования развиты были еще слабо и охватили незначительную площадь.

Как видно из этого, предприятие «Миассзолото» разворачивалось неплохо. Но что было бы оно без науки! Конечно, исследователям требовалась помощь. Хотя бы для оценки того же района с Кувашско-сульфидным месторождением в первой зоне, «где имелся свинцовый блеск» с содержанием золота, требовалась помощь Академии наук, имевшей уже работы по изучению контактовой зоны этого района. Исследователь района, главный геолог треста «Миассзолото» Геннадий Владимирович Смирнов обратился к представителям Академии наук, в частности, к Ферсману с просьбой: пусть работники академии соберут материалы... Требовались для нормальной дальнейшей работы солидные средства, новое оборудование. Нужно было продолжить составление геологических карт. Но, несмотря ни на что, имелся уже ряд крупных открытий, кое-какие результаты достигнуты в области геохимического исследования золоторудных месторождений. Главное, исследователями был накоплен огромный практический материал.

Г. В. Смирнов позже признается, что научными исследованиями работников «Миасс-золота» мало кто интересовался. Поэтому «большинство исследований явилось результатом местной Инициативы и труда группы геологов, привлекаемых для работы ежегодно». Геннадий Владимирович Смирнов вообще всегда стремился привлечь к Миасской долине как можно больше исследователей. Но главное: он мечтал, чтобы этим когда-нибудь занялись местные творческие силы. В связи с этим надо напомнить, что в создание Миасского геологоразведочного техникума он внес свой немалый вклад. Позже си курировал этот техникум и в нем преподавал. В техникуме выступали с лекциями также и другие работники треста, преподавали петрографию, прочие науки. Придет время, и выпускники техникума (десятая часть молодых специалистов!) начнут работать в «Миассзолоте» геологами и маркшейдерами.

Они заглядывали далеко — и в смысле научных познаний, и в смысле географии. Они открывали новое и с ревнивым любопытством возвращались к тем золотоносным площадкам, где желтый металл был обнаружен до них, но по каким-то причинам брался отсюда плохо. Что, мало его? А вдруг можно доказать как раз обратное! Престижно? Да, какой геолог не мечтает опровергнуть считавшееся несомненным своим ка-ким-нибудь научным доказательством, фактом! Это и полезно для общего дела. Это в период индустриализации — главное.

Так, геологи не оставили без присмотра Джетыгаринское 1 золотооруденение. В 1910 году открытое геологоразведочной партией золотопромышленника Рамеева, оно давало очень; даже неплохое золото, но лишь до 1914 года, потом добыча металла здесь резко снизилась, а в начале 20-х работа на руднике была вовсе прекращена. Следовало возвратиться к этому руднику, разумеется, на новом уровне возможностей, с применением прогрессивного оборудования.

В 1922 — 1923 годах трест «Южное Уралзолото» пытается восстановить работы и начинает разведку алмазным бурением, но буровые работы, однако, в 1923 году были остановлены. Недоставало квалифицированных работников, мешало отсутствие более доброкачественного оборудования. Но вот в 1924 году впервые на месторождении под руководством профессора К. К. Матвеева проводится скрупулезное геологическое исследование. Начинается геологическое изучение района. Для проверки этой работы трест «Миассзолото» приглашает геолога П. И. Кутюхина. П. И. Кутюхин, работая по договору с трестом, занимался в основном, рудниками Миасской долины, он дал хороший отчет о многих месторождениях.

В 1925—1926 годах Кутюхин проводит исследования на Джетыгаре. По этому месторождению он получит положительные данные, даст высокую оценку его перспектив. Однако положение с запасами на месторождении в 1926 году, писал впоследствии геолог, было «настолько неблагоприятным, что возник вопрос о консервации рудника». И тут на защиту является новая личность: специалист, приглашенный трестом, Александр Петрович Смолин.

Он был консультантом «Главзолота», давал очень ценные рекомендации о перспективах разных месторождений, о наличии возможных запасов. Он, что важно, точно мог подсчитать: рентабельно отрабатывать то или иное месторождение или же нет. Таковым был его главный талант. В Миассе помнят и другие таланты этой замечательной личности. Любил музицировать, был садоводом и не упускал случая поговорить на эту тему, выращивал в своем подмосковном доме много цветов. Тяготел, конечно, к минералогии, он был точен в своих прогнозах, касающихся рудных месторождений.

В 1927 году, по заключению А. П. Смолина, на Джетыгарском месторождении возобновляется колонковое алмазное бурение. С 1927 по 1929 годы под руководством П. И. Кутюхина будет пройдено всего 36 буровых скважин, подсчитаны богатые жилы на глубине 50 — 80 метров. Их вскрыли пройденные в 1930 — 1932 годах сразу несколько шахт - № 4, 5, 6, 7. Причем работами капитальной шахты № 6 удалось установить морфологический тип жил — «крутопадающих слепых, не выходящих на поверхность». В сороковые годы они становятся основным объектом эксплуатации. Но прежде их придется отстоять. Ибо в 1938—1940 годах

при вскрытии жил та горизонтах в 120 и 160 метров началось быстрое снижение оруденения и самого содержания золота. Вновь закрыть рудник? Нет, сказали ученые.

В целях изучения месторождения, оценки его перспектив организуются другие специальные исследовательские партии: первая под руководством А. П. Ларченко (1941 год) и вторая во главе с П. И. Кутюхиным и Д. С. Штейнбергом (1941 — 1942 годы). Наиболее обоснованные выводы о перспективах месторождения удалось дать именно П. И. Кутюхину, которые он сделал в своей консультационной записке 1940 года и затем, в отчете о проведенных исследованиях месторождения в 1941 и 1942 годах. На основе глубокого изучения структуры месторождения и механизма формирования рудных жил Кутюхин дал высокую оценку глубоким горизонтам месторождения, которая подтвердилась работами шахты № 6 и буровыми скважинами на глубине 210—250 метров.

Так был защищен «наиболее интересный в структурном и рудоносном отношениях» интрузив, давший немало драгоценного металла и прибавивший авторитета миру науки, геологам. Ведь, как показало время, Джетыгарское золоторудное месторождение (имени С.М. Кирова, бывший Веселый аул) станет одним из крупнейших месторождений комбината «Джетыгарзолото» Миасского золотодобычного предприятия. По своей продуктивности, перспективам и сложности геологического строения ученые поставили его в один ряд с такими крупнейшими месторождениями коренного золота на Урале, как Кочкарское и Березовское!

Безусловно, на способности геологов, привлекаемых трестом, обратили более пристальное внимание. Больше доверия заслужил и сам трест. Особенно ярко это доказывает пример с возрождением Кумакского старого месторождения желтого металла.

Золотодобыча по Кумаку была прервана революцией и последующей за ней гражданской войной. В 1923 году им начал заниматься Миасский трест «Южное Уралзолото», но месторождение было передано «Каззапзолоту». Оно же не сумело должным образом развернуть работы и продолжало в основном базироваться на добыче металла силами старателей. В 1928 году рудник вновь передается тресту «Южное Уралзолото» в ведение Джетыгарского Главного приискового управления, созданного самим трестом. С этих пор значительно укрепляется финансовое положение рудника. Вопросы разведок выдвигаются на первое место. С началом летнего сезона проводит разведочные работы инженер М. Н. Альбов, на другой, 1929 год разведку осуществляет инженер А.А. Корепов и в 1930 г. за дело берется инженер Б. И. Вронский... Теоретические силы накапливались. И осенью 1931 года на руднике было создано постоянное Геологоразведочное бюро, оно сосредоточило все свои работы на наиболее крупных месторождениях. Необходимо было как можно скорее вывести рудники «из состояния кризисов в запасах».

В 1933 году там были проведены обширные работы буровыми скважинами и разведочными шахтами. В результате на глубоких горизонтах месторождения «Сланцевая полоса» было установлено наличие промышленного оруденения. С этого времени предприятие вышло из затруднения с запасами руд. В 1933 году Кумак был выделен в самостоятельное рудоуправление и... возвращен Казахстану, отдан в подчинение тресту «Каззолото». Правда, затем в 1935 году вместе с Джетыгарой он был объединен в комбинат «Джетыгарзолото», а с 1936 года «в связи с административным районированием» уже входит в состав комбината «Волгазолото», позднее переименован в «Оренбургзолото» и еще позднее в «Чкаловзолото». Частая передача месторождения из одной объединяющей организации в другую позднее отрицательно сказалась на техническом оснащении рудника и на его развитии.

С 1917 года не возвращались к месторождениям так называемой Миасской группы золотых приисков, в 35 — 40 километрах на юго-восток от города Миасса, в окрестностях поселков Травниковского и Маскайского. Когда-то здесь добывали россыпное золото, попавшееся на глаза старателям на два года позже, чем старателям близ Миасса, то есть очень и очень давно, затем, с 1870 года велась разработка и рудных жил, да спустя чуть не полвека была оставлена:

посчитали, что месторождение выработано. Да и то — наработалось вдоволь! А все же отчего бы не прошупать и его?

В 1935 году руководство «Миассзолота» поручило тому же П. И. Кутюхину провести геологоэкономическое обследование забытого местечка. Оказалось, что не напрасно!.. В пяти километрах к северо-востоку от Маскайского поселка на Владимирском месторождении вскоре установили десять кварцевых довольно длинных и мощных жил. Одна до 320 метров по простиранию и 40 м в глубину. Известно было также, что с 1872 года и по 1913 год здесь было вынута свыше тридцати тысяч тонн руды. Бегунная фабрика, переработав ее, дала промышленникам 203 килограмма драгоценного металла. Поэтому предполагалось, что золото тут может быть связано с сульфидами. Открытие новых жил с мощностью до 4 метров подтвердило предположение: золото было богатым и заслуживало дальнейших разведочных работ... Также сворим высоким содержанием металла привлекла внимание сульфидная руда и в та ких двух золотых рудниках, как Игрицкий и Екатерининский, что в десяти километрах к северо-востоку от Травниковского поселка по Челябинскому тракту, от тракта в двух километра к северу. Обнаружилось несколько кварцевых золотоносных жил. Их разрабатывали. Длина горных работ к середине 40- годов здесь составляла приблизительно 300 метров. Горняки работали в шахтах на глубине 60-го горизонта.

От Травниковского поселка километрах в пяти, вблизи Челябинского тракта разрабатывалось с 1874 года Ходневское золото-мышьяковое месторождение с длиной жил в среднем до 100 метров и мощностью жил до 1,2 метра. Разведка здесь оказалась целесообразной. Что касается разведки и до бычи попутного минерала золота — мышьяка, то и в это пункте геология была на высоте.

После Октября организовывалась мышьяковая промышленность Урала. Мышьяк имелся, в частности, близ Челябинска, на Шершневском месторождении. С 1926 года комбинатом «Кочкарзолото» с участием Геологического комитета проводятся детальные геологоразведочные работы. Руководи ими И. И. Чупилин. В этом районе впоследствии, в 1934 год геологи А. П. Смолин и Н. К. Сеницын в рудах Градского прииска нашли шеелит — минерал вольфрама, что еще бол повысило ценность месторождения, ведь вольфрам — сырье стратегическое.

Шершневское месторождение входило в ведение комбината «Миассзолото» и промышленно осваивалось небольшими шахтами. Рудные жилы месторождения имели в большинстве случаев протяженность не более 100 метров с мощностью от 10 сантиметров до полуметра, а иногда до полутора. Содержание золота и мышьяка в жилах Шершневского месторождения оказалось довольно равномерным. Добыча россыпного золота, известная здесь с половины прошлого века, до сих пор не имела широкого развития, а с наличием же в нем; мышьяка — возродилась. Занимало оно в 40-х — начале 50-х годов обширную площадь длиной в 6 и шириной в 4 километра, вытянутую от поселка Шершневского в северо-западном направлении. М. Н. Альбов в 47-м году писал, что «на этой площади установлено около 250 рудных жил. Наиболее известны рудные жилы Градского прииска, расположенные в 7 километрах к северо-западу от города Челябинска».

В 18 километрах к югу от поселка Кундравинского в километре к востоку от поселка Мельниково-Зауралово также было открыто золото-вольфрамовое месторождение. На протяжении 800 метров вдоль этой зоны тянулись горные работы на рудное золото, проводившиеся с 1888 года. Но вольфрам там не добывали. Изучавший и этот участок П. И. Кутюхин первый нашел в составе руд минерал вольфрама шеелит. Пройденные разведчиками вкрест сланцев канавы вскрыли всего до 15 жил мощностью от 5 до 15 сантиметров, «сложенных кварцем, карбонатом, хлоритом, турмалином, пиритом, халькопиритом и шеелитом». Наличие шеелита было установлено в 5 из 15 жил. Может, к вольфраму здесь и вернуться. Ведь геолог докладывал: «Месторождение заслуживает дальнейших детальных работ на вольфрам и

золото. Результаты показали, что многочисленные выработанные золотые россыпи Маскайской группы приисков говорят о наличии новых, еще не открытых золоторудных месторождений». Таков был вклад в развитие золотодобычи на юге Урала одного из геологов, любивших Миасскую долину, работавшему с большим желанием и очень результативно.

На юг Урала тянулись с разных концов страны отдельные молодые исследователи недр земных, а некоторые из них, однажды приехав в Миассе, остались здесь навсегда.

Сын сельского учителя, Кашифнур Абдрахимов вынужден был пойти сперва по стопам отца — закончить педагогический техникум. По предписанию «Всеобуча», учительствовать оказалось ему рановато, был еще несовершеннолетний, но это дало возможность продолжить учебу хоть где-нибудь, только дальше — своим путем. Сдал документы в строительный институт в Казани, документы приняли, зачислили без экзаменов. А тут попалось на глаза объявление: Казанский университет приглашает абитуриентов, прошелся по нему Кашифнур, глядит — специальность по горному делу есть! Привыкшему к видам татарских степей, очень захотелось ему именно в горы. Сдал экзамены, и внесли его в список тех, кто должен был стать почвоведом, но он воспротивился: хочет на минералогическое отделение и больше никуда. Это решение, как покажет жизнь, было продиктовано скрытыми движениями его души, тяготеющей именно в этом деле — к геологии, поиску минералов, и на всю жизнь свяжет судьба его с розыском золота Миасской долины.

По направлению попал он в Сатку. Лето, жара, пыль. А почти под боком Миасс, Ильменский минералогический заповедник, про который назубок знал самый захудалый студент. По курсу «минералогии», назвав минерал, надо назвать, где он, в каких краях залегает, и всяк наобум ответит: «в Ильменах», — и будет всегда прав. Ибо в Ильменах присутствуют сотни самых разных минералов. Нигде в мире, пожалуй, нет такого уникального минералогического приволья.

Собрался с духом Абдрахимов Кашифнур и напрямиком в Миасс. В тресте «Миассзолото» его принял главный геолог Геннадий Владимирович Смирнов, очень интеллигентный, в очках. Разговорились. Смирнов ходил по кабинету: среднего роста, очень подвижный, он оказался и словоохотливым. Этот геолог был просто влюблен в свое дело и хорошо понял состояние вчерашнего студента. Смирнов замещал главного инженера треста.

Пойдешь геологом минералогического кабинета? — предложил он.

Конечно, — сказал Кашифнур.

Кабинетом заведовал Иван Сергеевич Рожков, геолог высокого класса. Он одновременно являлся начальником Мелентьевской геологической партии, давшей месторождению высочайшую оценку. Шел 1935 год, уже велась разработка открытого несколько лет назад крупного Мелентьевского золоторудного месторождения. Но было еще много работы, и новичку обрадовались:

Мне нужен человек, который станет заниматься камеральной обработкой геологических материалов по Мелентьевскому руднику. Пойдет такая работа? — спросил он.

Конечно! — сказал Кашифнур. Еще бы он отказался. Мелентьевское, открытое в 1930 году, было уникальным, о нем почти не писали: секретное, но студенты минералоги это знали. Тут было густо золота, как нигде в мире, бывало, его каждый час здесь «выкачивали» чуть ли не пудами; в породах месторождения присутствовали также редкоземельные элементы, не говоря уже о свинце, меди, цинке... Кто бы отказался поработать над изучением этого единственного в своем роде полиметаллического месторождения?!

И. С. Рожков оказался человеком веселым, всегда улыбался и, главное, был страшно любознательным, словом, самым, приятным человеком. Трест «Миассзолото» года два-три назад пригласил его с тем, чтобы проследить запасы оруденения, когда входила задача составления геологической карты всего месторождения.

Потом он вернется в Свердловск, затем станет работать в Москве главным геологом «Союззолота». Еще не раз встретятся они в Москве с Абдрахимовым, посидят и в ресторанах, вспоминая о «золотом веке» треста «Миассзолото», об огромной проведенной ими совместной работе. Не подозревая, наверное, ни тот, ни другой, что навсегда останутся в благодарной памяти миассцев, как одни из лучших геологов: их имена отныне будут присутствовать во всех книгах исследователей истории золотодобычи Миасской долины. Ведь таких энтузиастов с горением в сердце, образованнейших людей было, собственно, не так уж и много, а вернее сказать — единицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.